

Стоит отметить, что Никита Иванович Романов являлся одним из самых крупных землевладельцев в России; на территории его владений находилось 7012 дворов крестьян и бобылей. Он имел земли в различных районах страны, поэтому мог себе позволить широкий спектр деятельности. В своих донских вотчинах Никита Романов сделал ставку на добычу руды. Его вотчины имели также огромный штат слуг и чиновников.

Политика Б. И. Морозова, направленная на борьбу с частными владениями, заставляла приказчиков боярина Н. И. Романова работать эффективней и привлекать людей на свои земли всеми способами. Иногда романовский приказчик высматривал слободы и поселения за пределами городов, сел или деревень и силой свозил их жителей в вотчины своего патрона. Так случилось в Ельце, где в районе реки Лучок выросла целая слобода переселенцев из местной Черной слободы, которые поселились здесь на запустевшей стрелецкой земле. Жители объединились в небольшую общину¹¹. 26 марта 1649 г. из вотчин боярина Романова сюда пришли крестьяне во главе с приказчиком (всего 30 человек) и увели силой шестерых ельчан, живших в этой слободе, с семьями и имуществом. Остальные жители слободы разбежались. Елецкий воевода послал в погоню стрельцов вместе со стрелецким головой Иваном Бужениновым, которые, настигнув людей боярина, «отбили» пленников и вернули их обратно.

Город Романов представлял собой настоящую крепость. В переписной книге 1646 г. по Лебедянскому уезду сохранилось его описание. Среди прочего указано, что отдельной слободой живут служилые казаки, а «устроены для береженья вотчин его (Никиты Ивановича. – Д. Л.) от татарских приходов». Для населения города был выстроен храм в честь Троицы. Здесь проживали 130 казаков в 60 дворах, в 23 дворах жили ремесленники, из них – один кузнец и один бочар (специалист по изготовлению бочек). Всего в романовской вотчине проживали 1093 неслужилых человека в 954 дворах, 198 казаков в 86 дворах и 98 бобылей в 74 дворах¹². В крепости находилось 9 железных пищалей, 230 ядер и 41 пуд пороха¹³.

УДК 94(47+57)(093.2)

ПОГОННАЯ ПАМЯТЬ 1596 ГОДА ИЗ АРХИВА СУЗДАЛЬСКОГО ПОКРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

М. И. Давыдов

Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Владимир
E-mail: email.mi-davydov@yandex.ru

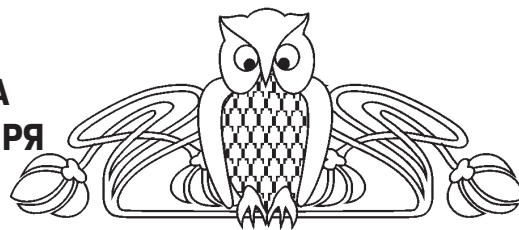
В данной работе в научный оборот вводится текст вновь выявленного источника, принадлежащего к крайне редко встречающейся

Таким образом, в первой половине XVII в. частные владения в городах Юга России, хотя и прочно вошли в реалии местной жизни, не стали важной экономической и социальной частью структуры местного мира. Исключения составляли только владения бояр Романовых, но реформы правительства Б. И. Морозова в 1646–1648 гг. нанесли серьезный удар по их владениям.

Следует отметить, что сам Б. И. Морозов и его окружение почти не имели никаких владений в городах. Поэтому новая политика властей, связанная с экономическим и административным давлением на все освобожденные ранее от налогов слободы (а большинство их являлось частновладельческими), ущемляла интересы родовитого боярства, обогащавшегося за счет этих слобод, приобретенных еще в 1620–1630-е годы¹⁴.

Примечания

- ¹ См.: Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. 1938. № 4. С. 22.
- ² Там же. С. 22–23.
- ³ См.: Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание законов : в 45 т. СПб., 1830. Т. 3, № 1328. С. 1 ; Т. 1, № 516. С. 885 ; Т. 2, № 632. С. 14.
- ⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8982. Л. 1–232.
- ⁵ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 136. Л. 59 об.
- ⁶ Там же. Д. 13902. Оп. 1. Ч. 2. Л. 1–321 об.
- ⁷ Там же. Д. 230. Оп. 1. Ч. 2. Л. 352–377.
- ⁸ См.: Важинский В. М. Корни Липецка (к 300-летию города). Липецк, 2003. С. 56–57.
- ⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 162. Л. 549–550.
- ¹⁰ Там же. Д. 275. Л. 188.
- ¹¹ Там же. Л. 70–73.
- ¹² Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 13902. Л. 116 об–123, 172.
- ¹³ Там же. Ф. 210. Оп. 1. Д. 259. Л. 32.
- ¹⁴ См.: Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. : в 2 т. М. ; Л., 1947. Т. 2. С. 225–226.

в археографической практике разновидности актов XVI в. – погонным памятям и освещающего правительственные мероприятия по сыску разбойничьей шайки Ивана Обоютина. Публикация предваряется анализом содержания документа.

Ключевые слова: Русское государство в конце XVI в., розыск преступников, Разбойный приказ.

The Capias Warrant of 1596 from the Archive of the Theotokos Convent in Suzdal

M. I. Davydov

This paper acquaints the historians with a newly found primary source, which refers to an extremely rare (for the XVI century Russia) kind of legal record – a capias warrant; in this case the one that describes course of inquest on Ivan Obouitin's gang. The publication is preceded by an analysis of the document's content.

Key words: Russian State in the late XVI century, criminal tracking, Robbery Prikaz.

DOI: 10.18500/1819-4907-2015-15-4-7-11

В общей номенклатуре дошедших до нас актов XVI – начала XVII столетия одними из наиболее редко встречающихся разновидностей данной категории источников являются погонные грамоты и памяти, то есть административные распоряжения о розыске преступников. Хотя собственно упоминания об их выдаче в материалах средневекового судопроизводства нельзя назвать уникальными, насколько нам удалось установить, к настоящему времени опубликованы всего лишь два подобных документа, хронологически относящихся к обозначенной выше эпохе; они датированы 1586 и 1589 гг. соответственно¹. Полагая, объяснение наблюдаемой ситуации следует искать в том, что рассматриваемые разновидности актов (равно как и некоторые другие – например, зазывные и приставные грамоты и памяти) имели крайне ограниченный срок действия, утрачивая самостоятельное юридическое значение буквально сразу же после начала слушаний по существу дела; потому-то случаи их последующего обнаружения специалистами в собраниях частных лиц, духовных корпораций и государственных учреждений столь немногочисленны.

Посему несомненный интерес представляют новые находки ранних погонных грамот и памяти. Один документ такого рода был выявлен нами в ходе археографического описания ранее неучтенной части фонда Суздальского Покровского девичьего монастыря Государственного архива Владимирской области (далее – ГАВО)²; текст этого источника издается в приложении к настоящей работе.

Не останавливаясь подробно на внешней критике памятника – благо его палеографические особенности оговорены нами в легенде к публикуемому документу, отметим лишь несоответствие между самоназванием источника («наказная память») и его содержанием. Как нам кажется, тому есть свое объяснение. Погонные грамоты и памяти, по сути, представляли собой циркуляры, адресованные неопределенно широкому кругу лиц, тогда как рассматриваемый акт был направлен лишь в вотчины Покровского монастыря, пусть даже и без обозначения имен конкретных получателей. Территориальное су-

жение сферы действия придавало ему некоторую схожесть с наказной памятью, хотя тот, конечно, не являлся ею.

Вкратце осветим обстоятельства создания и фабулу документа. Его появлению предшествовала присылка в Суздаль грамоты, оформленной от имени царя Федора Ивановича и скрепленной дьяком Тимофеем Петровым, которая, в свою очередь, извещала местные власти о случившемся неподалеку от Троице-Сергиева монастыря в ночь с 10 на 11 января 1596 г. нападении разбойничьей шайки Ивана Обоютина на обоз галичских торговых людей. Последним, однако, удалось отбиться и даже задержать четырех злоумышленников; тем не менее, семеро их «товарищей», включая главаря, сумели скрыться и были объявлены в розыск. Собственно, как раз-таки после этого, действуя на основании полученных из Москвы инструкций, суздальские губные старосты Захарий Сабуров и Григорий Городчиков и составили интересующую нас погонную память. Она была направлена в Покровский монастырь для дальнейшей переадресации в вотчины обители и публичного объявления на крестьянских сходах и «по торжком» о награде для тех, кто будет содействовать скорейшей поимке беглецов, и опале за их намеренное укрывательство. Также к памяти прилагался список с присланной из столицы росписи примет разбойников.

При обращении непосредственно к тексту источника нельзя обойти вниманием факт принадлежности трех из семи членов шайки Ивана Обоютина к категории служилых людей (два городских сына боярских и один казак), что, в свою очередь, позволяет говорить о наличии у них определенной профессиональной боевой подготовки и, как следствие, об организованном характере данного преступного сообщества в целом. На последнее также указывает зафиксированная в документе географическая привязка имен тех же разбойников к регионам, расположенным к югу от Москвы – Кашире, Крапивне и Малоярославцу, – в то время как осуществленное ими нападение на галичских торговых людей произошло где-то чуть севернее границы Радонежского и Переславского уездов. Даже по современным автодорогам расстояние между местом совершения разбоя и Малоярославцем или Каширой, ближайшими к столице населенными пунктами из числа упомянутых в тексте памяти, составляет более 200 км. Иными словами, действуя на столь значительном удалении от своей «штаб-квартиры», преступники несомненно обнаруживали навыки ориентирования и выживания в незнакомой среде. Добавим для сравнения, в актах того же Покровского монастыря за период последней трети XVI – начала XVII столетия отложилось большое количество челобитных, освещающих подобные происшествия³, однако последние, в отличие от разбираемого случая, уместнее все же трактовать скорее как бытовые конфликты (пусть порой и носившие ожесточенный характер) зем-

левладельцев-соседей, подвластных им людей и крестьян между собой, не более.

Как нам кажется, не является случайным и выбор разбойниками в качестве объекта противоправной деятельности участка Переславской дороги именно «по ту сторону Троицы-Сергеева монастыря». В рассматриваемое время этому тракту, соединявшему Москву с северными районами государства, в том числе Холмогорами и Архангельским портом, принадлежало значение одной из важнейших торговых артерий как внутри страны, так и, прежде всего, во взаимоотношениях России с западноевропейскими державами; указанное обстоятельство, разумеется, было известно членам шайки, которые наверняка заранее рассчитывали на богатую добычу в случае успешного проведения задуманной ими операции. Впрочем, относительно безнаказанно Иван Обюютин и его подручники могли действовать лишь на некотором удалении от столицы. Дело в том, что отрезок пути между Москвой и обителью св. Сергия считался своего рода «правительственной трассой» (представители царского семейства и виднейшие аристократы ежегодно, а бывало и чаще, отправлялись к Троице на богомолье) и несомненно надежно охранялся, тогда как земли, лежавшие за монастырем, уже не подлежали столь пристальному присмотру и потому были более уязвимы с точки зрения обеспечения должного уровня безопасности.

Наконец, особого внимания заслуживает приложенная к памяти роспись примет злоумышленников, «хто каков рожем и волосом, и что на ком примет и платья», невольно отсылающая читателя к хрестоматийной сцене опознания Григория Отрепьева в пушкинском «Борисе Годунове»⁴. Попутно отметим и зафиксированную в источнике «многоликость» главаря шайки: «розбойничья голова Иванко Обоютин, а Киндеев сын он же, а Бедаревым и Коширою назывался он же». Эта фраза документа, также вызывающая в памяти определенные ассоциации – на сей раз со ставшей знаменитой репликой капитана Глеба Жеглова из многосерийного телефильма о работе сотрудников МУРа в первые послевоенные годы⁵, несомненно, указывает на развитость навыков социальной адаптации у предводителя преступной группировки.

Сделанные нами выше наблюдения, относящиеся к конкретному эпизоду, полагаем, представляют определенной интерес и в контексте изучения более обширной проблемы, а именно – причин, путей развития и ближайших последствий процессов нарастания в конце XVI столетия кризисных явлений и противоречий внутри служилого сословия и постепенной криминализации его низов⁶, что наиболее полно проявилось чуть позже, уже в эпоху Смуты.

Теперь перейдем к вопросу о персоналиях, зафиксированных в тексте памяти. В самом ее начале специально указано (и это мы уже от-

мечали выше), что созданию документа предшествовало получение суздальскими губными старостами грамоты, подписанной от имени царя Федора Ивановича дьяком Тимофеем Петровым. О деятельности последнего в рассматриваемое время нам известно следующее: в 1596/97 г. он составлял десятни денежной раздачи по Кашире, Коломне, Мещере и Рязьку (и, стало быть, трудился в Разрядном приказе), на исходе 1597 г. и в мае 1598 г. числился вторым дьяком в Разбойном приказе, а в апреле все того же 1598 г. приводил к присяге царю Борису Федоровичу жителей Смоленска⁷. Факт принадлежности дел о розыске преступников к компетенции Разбойного приказа общеизвестен; таким образом, можно уверенно заключить, что Тимофей Петров именно там нес свою службу еще в начале 1596 г. В этой связи, несомненно, обращает на себя внимание присутствующая интересующему нас дьяку «тяга к перемене мест», проявлявшая себя, кстати, и на более ранних этапах его карьеры⁸; добавим, такого рода должностная чехарда была крайне нехарактерна реалиям тогдашней эпохи.

Большинство прочих упоминаемых документов лиц в других источниках, к сожалению, не фигурирует; нам удалось найти дополнительную информацию лишь о его составителях – Захарии Сабурове и Григории Городчикове. Оба они не единожды избирались суздальскими губными старостами. Согласно имеющимся в нашем распоряжении материалам первый занимал этот пост также в 1585/86, 1598, 1601, 1602 и 1602/03 гг.⁹, второй – где-то до 1594 г.¹⁰ В одном из актов 1585 г. говорится о наличии у Григория Городчикова поместья на территории Суздальского уезда¹¹. В отношении Захария Сабурова спорным является вопрос о допустимости его отождествления с Захарием Тимофеевым сыном Сабурова, известным еще по четырём грамотам – 1586/87, 1596/97 и ок. 1602 гг.¹², а последнего, в свою очередь, – с Захарием Тимофеевым сыном Долгово-Сабурова, верставшим в 1596 г. новиков по Суздалью¹³. Так, в росписи Долгово-Сабуровых действительно зафиксирован Захарий Тимофеев сын с пометой «был пострижен, бездетен»¹⁴, а несколько позже, под 1608 г., келарем Спасо-Евфимиева монастыря показан Закхей Сабуров¹⁵. В то же время согласно родословным книгам отца Тимофея Долгово-Сабурова звали Федором, тогда как действовавший в Суздале помещик Тимофей Сабуров сразу в двух документах, датированных 1600 г., назван «Ивановичем»¹⁶. Следовательно, проблема идентификации личности интересующего нас Захария Сабурова пока остается неразрешенной.

Напоследок несколько слов следует сказать о методике издания погонной памяти. Она основана на соблюдении следующих правил: устаревшие буквы заменяются современными (в том числе «и» и «й» расставляются в соответствии с принятыми сейчас правилами орфографии); «ь» в конце слов и паерки опускаются; аббревиатуры

раскрываются, а скрытые под титлами буквы вносятся в строку и графически не выделяются (единственное исключение – выделение в примечаниях выносных букв подчеркиванием, а букв, скрытых под титлами, круглыми скобками); в примечаниях оговариваются все значимые особенности содержания исходного текста, а также конъектуры пропусков и иные правки, внесенные в него публикатором.

Примечания

- ¹ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1897. Ч. 2. С. 215; Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 363. Обратим внимание, в текстах обоих источников имеются некоторые отступления от абстрактного формуляра погонных грамот (эта вариативность, в свою очередь, позволяет предположить, что в конце XVI столетия процесс складывания особенностей структуры рассматриваемой разновидности актов еще не был завершён до конца): так, в первом документе указан конкретный адресат – дорогобужский воевода Дмитрий Семенович Алябьев, а во втором – отсутствует перечень примет «сведомого татя» Клиша.
- ² ГАВО. Ф. 575. Оп. 2. № 21.
- ³ См.: *Маштафаров А. В.* Явочные челобитные 1568–1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // *Русский дипломатический архив*. М., 2003. Вып. 9. С. 275 (№ 1), 283–285 (№ 8, 9) и т. д.
- ⁴ См.: *Пушкин А. С.* Борис Годунов. Сцена «Корчма на литовской границе».
- ⁵ «Ларичева Майя... она же Анна Федоренко, она же Элла Кацнельбоген, она же Людмила Огуренкова, она же... Изольда Меньшова, она же Валентина Панеяд» (Место встречи изменить нельзя. Многосерийный телевизионный фильм / реж. С. С. Говорухин. Одесская киностудия, 1979. 4-я серия). Добавим, в романе братьев Вайнеров «Эра милосердия», выступившем в качестве сюжетной основы для постановки, данный эпизод передан иначе и не столь выразительно.
- ⁶ Об этом в источниках рассматриваемого времени см., например: *Антипов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967. С. 327–334, 338–341 и далее.
- ⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 516 (Л. 774); Разрядная книга 1475–1605 [гг.]. М., 1994. Т. IV, ч. 1. С. 3 (Л. 1035), 27 (Л. 1053); «Писанные законы России». Английское описание Московского государства конца XVI века / вводная статья, перевод и примечания С. Н. Богатырева // *Исторический архив*. 1995. № 3. С. 197; Смоленская крестоприводная книга 1598 г. / подготовили к печати С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский // *Источники по истории русского языка*. М., 1976. С. 132–134; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 447. Продолжение примеч. 4 к С. 446; Там же. Прил. IV. С. 56–59 (по отдельной пагинации).
- ⁸ В августе 1584 г. Тимофей Петров показан митрополитским дьяком (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологическую экспедицию

Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. I. № 278), а за 6 лет до того правительство командировало его ко двору короля Дании [Русские акты Копенгагенского государственного архива / сост. Ю. Н. Щербачев (Русская историческая библиотека. Т. XVI). СПб., 1897. № 40]. Впрочем, последняя служба совсем не обязательно должна подразумевать фактическую принадлежность дьяка к ведомству Посольского приказа; не исключено, что это было разовое (церемониальное) назначение.

- ⁹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. М., 1997. Т. I. № 259; М., 1998. Т. II. № 222, 363; *Маштафаров А. В.* Указ. соч. С. 323 (№ 62. Л. 66), 327 (№ 68. Л. 105); *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря XV – начала XVII века // *Русский дипломатический архив*. Вып. 10. М., 2004. С. 322. № 364.
- ¹⁰ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998 (далее – АСЕМ). № 249. Л. 1, 2, 6.
- ¹¹ Там же. № 221. Л. 9.
- ¹² Там же. № 225. Л. 383, 383 об.; № 259. Л. 2 об.; *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Указ. соч. С. 313. № 289; ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 37. Л. 3.
- ¹³ Десятни новиков, поверстанных в 1596 году / сообщ. Н. [П.] Лихачев // *Известия русского генеалогического общества*. СПб., 1909. Вып. 3. С. 118.
- ¹⁴ Памятники истории русского служилого сословия / сост. А. В. Антонов. М., 2011. С. 155.
- ¹⁵ АСЕМ. № 268.
- ¹⁶ Ср.: Памятники истории русского служилого сословия... С. 155; *Маштафаров А. В.* Указ. соч. С. 325, 326 (№ 66), 326, 327 (№ 67. Л. 121, 122).

Приложение

1596 г. февраля 6. – Погонная («наказная») память, по грамоте ц. Федора Ивановича (Разбойного приказа), суздальских губных старост Захария Сабурова и Григория Городчикова в вотчины Суздальского Покровского м-ря о поимке разбойничьей шайки Ивана Обоютин.

(Л. 1) ¹Лета 7104-го по государеве царе и великого князя Федора Ивановича всеа Русии грамоте за приписью государева дьяка Тимофея Петрова от суздальских губных старост от Захарьи Сабурова да от Григорья Городчикова Суздальского Покровского девичья монастыря вотчины в села и в деревни, и в слоботки, и по торжком старостам и целовалником, сотцьким, и пятидесятцьким, и десятцьким, и всяким многим людям. Нынешняго 104-го году генваря в 11 день с субботы на недел² в ночи розбойники розбили по Переславской дороге по ту сторону Троицы-Сергеева монастыря верст с пять галичан торговых людей Пахомка Серышова с товарищы, и тех розбойников поимано четыре человека, а досталные товарищы их – голова Иванко Обоютин с товарищы, семь человек, – с того розбою ушьли безвесно. А хто каков рожем и волосом, и что на ком примет и платья, и тому к вам послана розпись, подклеена под сею наказною памятью.

И где те розбойни[ки]³ появятца, и вы бы тех розбойников переимали и привели к нам в Суздаль. А хто

тех розбойников поимает и в Суздаль приведет, и тех людей государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси пожалует. А где те розбойники объявятца, а их не переимают⁴ и в Суздаль не приведут, и тем людем от государя быти кажненым. А с сее бы есте розписи, списывая списки слово в слово, да меж себя розсылали часа⁵ того¹. ||

(Л. 2) ⁶Список с росписи слово в слово.

Розбойничья голова Иванко Обоютин, а Киндеев⁷ сын он же, а Бедаревым и Коширою назывался он же: ростом средней человек, лицом и волосом беловат, угреват, плоск, бухон, ус маленек. А платия на нем: полукафтаны² дорожилной червчатой на бумаге да кафтан синь суконной, нашивка червчатая, одно-рютка зелена⁸, завяски шелк зелен з белым шелком; да шапка багрова петли серебряны с пухом, под нею лисьи лапки.

Коширенин сын боярской Бориско Тимофеев сын Козюков: ростом высок, тонковат, волосом рус, уса и бороды нет. А платия на нем: кафтан бораней под сукном белым сермяжным, пугвици у него вкальваны; у него шапка лазорева черкаская с лисицею.

Кропивенской казак Ондриушка Щекуров: ростом невелик, волосом беловат, уса и бороды нет. А платия на нем: кафтан бел сермяжной, завяски на нем ременные, да кафтан бараней нагольной; шапка черкаская с пухом.

Михайлов человек Никитича Юрьева Петрушка Стрепков: ростом низмен, кренаст, волосом черн, рожеем смугол, ус немал, бороду сечет. А платия на нем: кафтан теплой мерлушчатой под сукном синим настрафилным, нашивка на нем болшая, шелк червчат.

Гришка Счербинка Ивашков человек Обоютин: ростом невелик, волосом рус, молод, уса и бороды нет. А платия на нем: кафтан синь настрафил, нашивка⁹

на нем частая, шелк рудожелт¹⁰, полукафтаны¹¹ белое¹² нагольное.

Сын боярской ярославец Левка Офонасьев: ростом высок, тонок, волосом¹³ бел, уса и бороды нет. А живет у Иванка у² Обоютина и¹⁴ у Килдеева¹⁵⁻². А платия на нем: кафтан лазорев зенденной лисей, нашивка болшая, шелк червчат; шапка вишнева с пухом.

Савка Холмитин гулящей человек: ростом высок, чермен, борода¹⁶ велика. Платия на нем: кафтан лазорев настрафил, нашивка шелк червчат¹⁷, кафтан бораней нагольной да сермяга бела, || (Л. 3) пугвици на ней хамьянные.

К сему списку Захарей Сабуров руку свою приложил, а Григорей Городщиков печать свою приложил лета 7104-го год[у]³ февраля в 6 день⁶.

На Л. 2 об., 3 (сразу после даты) скрепа: ¹⁸Захаря² || Сабуров¹⁸.

На Л. 1 об. помета о получении: ¹⁹Месяца февраля² в 14 день принес сю розпись гумной² целовалник Смирной Шумков¹⁹.

ГАВО. Ф. 575. Оп. 2. № 21. Подлинник на 3-х листах расклеенного столбца: 154 × 393; 152 × 389; 152 × 61.

На Л. 3 внизу на отгибе правого поля сохр. место крепления утраченной прикладной печати; след от печати отс.

Примечания: ¹⁻¹ Чернила I, почерк I. ^{2,2-2} Так в ркп. ³ Текст в кв. скобках в ркп. отс.; восст. по смыслу. ⁴ В ркп.: переилают. ⁵ В ркп.: ч(а)сса. ⁶⁻⁶ Чернила II, почерк II. ⁷ Так в ркп.; ср. ниже. ⁸ Из синя, ле убористо над строкой. ⁹ В ркп.: нашивка. ¹⁰ желт из шелк. ¹¹ Над второй а затерта н. ¹² Из белой – и затерта, е по другой букве. ¹³ с по л. ¹⁴ Из у. ¹⁵ Так в ркп.; ср. выше. ¹⁶ р по о (?). ¹⁷ ь из в. ¹⁸⁻¹⁸ Чернила I, почерк III. ¹⁹⁻¹⁹ Чернила III, почерк IV.

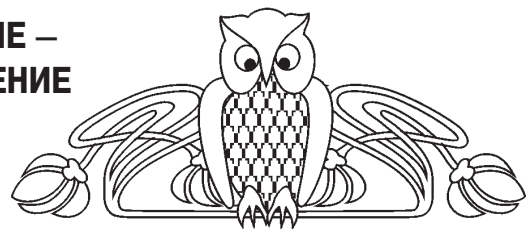
УДК 78.01

МУЗЫКА ПРИ ЦАРСКОМ ДВОРЕ В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ В ИСТОРИИ РОССИИ

И. В. Полозова

Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова
E-mail: i.v.polozova@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению культурно-исторических процессов, происходивших в России в XVII в. На примере музыкальной культуры выделяются постсредневековые и барочные стилиевые черты. В работе анализируются формы бытования музыки при царском дворе, характеризуются певческие корпорации, жанровые разновидности, указываются новые певческие стили, акцентируется мысль о постепенном зарождении светского музицирования, театрального дела, военной музыки. Автор приходит к выводам об освоении в XVII в. новых форм бытования музыкального искусства и осторожной попытке интеграции отечественной музыки в общеевропейский культурный контекст.

Ключевые слова: музыка при царском дворе, XVII век, богослужбное пение, инструментальное музицирование, театральные постановки, военная музыка.

Court Music in the Middle and the Second Half of the XVII Century as the Reflection of the Trends of a Transitional Period in Russian History

I. V. Polozova

This article is focused on the cultural and historical processes in the XVII century Russia, with musical culture revealing some post-Medieval and baroque stylistic features. The paper analyzes the forms of court music, characterizes singers' corporations and diversity of genres, points out new singing styles and brings forward the idea of